

Приближение

дали 2207

Накануне Дня Победы телезрители вновь увидят авторский вечер лауреата Ленинской премии поэта-фронтовика Егора ИСАЕВА.

Многие помнят, как через телеэкран ворвалось к нам исаевское пространство и время — «Даль памяти».

Стихи уже сами по себе — чудо, а если телевидение, транслятор этого чуда, умножает силу воздействия, подчеркивая масштабность произведения, и стихи, словно переходят в другое измерение, то как назвать это явление, когда даль посещает наш дом? Может быть, дальновидением? То есть видением дали, к которому нас пригласил Е. Исаев.

Вот она, мощь степного вольного характера и разнотравье сочного языка. Истинно большая русская поэзия. Так и видишь эти «возы, как избы на телегах» и бегущую «дорогую вдову» через всю Россию, так и слышишь это ликующее «жжиг... жжиг...», в сенокосной симфонии сливающегося со словом «мужик»... Голова кружится от пьянящего аромата слова, и ты понимаешь, что это действительно страда поэзии. Праздник неподдельного, настоящего.

Зримое присутствие поэта, его голос, глаза, жест усиливают эмоциональный эффект. Телевидение как будто рождено для такой поэзии, когда необходимо соединить, сфокусировать, казалось бы, такие полярные начала, как эпос и лирика или шепот и крик.

И вот ты почти осязеешь эту многомерную даль: то общий план целой планеты — «капельки во Вселенной», то крупный план горстки вспаханной земли вместе со старой пулей, потревоженной бессонным трактором; и эти горькие глаза тяговой лошади, и — люди, люди — герои поэмы.

Где-то там, начинаясь за твардовской далью, окрасившись в заревой ее цвет, с щемящей радостью преломилась в нашей душе исаевская даль. На экране в тот вечер царило действие, но не в зрелищно-сценическом смысле слова, а действие — деяние самой жизни. Это как бы и душевный диалог, и исповедь поэта. Ответы на вопросы перемежались стихами. И от всего вечера веяло какой-то поразительной цельностью.

Так и видишь кремь-слезу, сработанную руками мастера-поэта. И когда слышишь эту прекрасную притчу об окаменевшей людской слезе, ощущаешь, сидя у телевизора, почти галографическую объемность этого образа. С былинной достоверностью, неторопливо, степенно вел разговор поэт. И сама поэма, как некий кристалл, поворачиваясь, ослепляла вооб-

ражение, когда каждая грань ее источала луч, и он рождал новую даль. Даль совести. Даль долга и любви к Отечеству. Вот почему это слово здесь не риторический символ, а реальная сила.

И хочется поблагодарить поэта за этот праздник стихов, пусть дальше и дальше пишется ему так же счастливо — далью по белому листу бумаги. Далью по нашей душе, ему благодарной.

Николай ЗИНОВЬЕВ.